

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 811.512.31+94(57)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-287-304

Историческая фонетика бурятского языка в русскоязычной документации XVII в. (к постановке проблемы). Часть 2

Владимир Владимирович Тишин^{1,2}, Баир Зориктоевич Нанзатов³

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

² Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

магистрант

 0000-0001-7344-0996. E-mail: [tihiy-511\[at\]mail.ru](mailto:tihiy-511[at]mail.ru)

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-8012-2515. E-mail: [nanzatov\[at\]yandex.ru](mailto:nanzatov[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Тишин В. В., Нанзатов Б. З., 2023

Аннотация. *Введение.* Основные фонетические характеристики бурятского языка, отличающие его от других языков монгольской группы и отраженные в его диалектах западного и восточного ареала, сформировались, по меньшей мере, во второй половине XVIII в. Начальный период формирования этих специфических характеристик остается недостаточно ясным. В статье предпринимается попытка показать возможность выделения ареальных фонетических особенностей бурятского языка среди локальных групп населения Прибайкалья уже в первой половине XVII в. на материале аутентичных источников. *Цель* исследования — анализ зафиксированной в русскоязычных документах XVII в. этнонимике и ономастике, относящейся к бурятскому населению, на предмет выявления специфических произносительных особенностей, отражающих диалектные различия, характерные для говоров бурятского языка. *Материалы и методы.* В исследовании привлечены данные об этнонимике и личной ономастике исторических сообществ бурятского круга, зафиксированные в записях российских служилых людей и казаков («отписки») XVII в. В качестве объекта анализа выбраны наименования, соотносимые с двумя территориальными группами бурятского населения на разных берегах р. Ангары, условно обозначенными авторами статьи как «правоангарская территориальная группа» и «левоангарская территориальная группа», безотносительно к номенклатуре диалектной классификации. *Результаты.* Результаты, полученные на основе проанализированных материалов, позволяют говорить о существовании среди двух условно выделенных территориальных групп бурятского населения отличающихся специфических произносительных черт, отражающих

разные этапы развития фонетического строя бурятского языка. *Выводы.* Выявление возможности существования среди бурятского населения уже к середине XVII в. в рамках двух широких территориальных ареалов различных с точки зрения стадильности развития бурятского языка специфических фонетических черт позволяет говорить о перспективах дальнейших лингвистических изысканий, способных помочь детализировать хронологию развития тех фонетических характеристик, которые в итоге привели к формированию специфических черт бурятского языка.

Ключевые слова: бурятский язык, бурятские диалекты, историческая фонетика, монгольские языки, этнонимика, ономастика

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания: проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» (номер регистрации: 121031000241-1); проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.), (номер регистрации 121031000243-5).

Для цитирования: Тишин В. В., Нанзатов Б. З. Историческая фонетика бурятского языка в русскоязычной документации XVII в. (к постановке проблемы). Часть 2 // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 287–304. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-287-304

Buryat Historical Phonetics in Seventeenth-Century Russian-Language Documents: Problem Statement Approached. Part 2

Vladimir V. Tishin^{1, 2}, *Bair Z. Nanzatov*³

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

² Banzarov Buryat State University, Institute of Oriental Studies, Department of Central Asia Philology (24A, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)
 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511[at]mail.ru

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Tishin V. V., Nanzatov B. Z., 2023

Abstract. Introduction. It is in the mid-to-late 18th century at latest that the main phonetic characteristics of Buryat that distinguish the latter from other Mongolic languages — reflected in its western and eastern dialects — took shape. The initial period that had witnessed the formation of these specific elements still remains somewhat unclear. The paper analyzes authentic sources and attempts to show a possibility that the areal phonetic features of Buryat emerged within local population groups of Baikalia as far back as the early-to-mid 17th century. *Goals.* The article analyzes ethnonyms (and other onyms) relating to the Buryat population and recorded in seventeenth-century Russian-language documents to identify spelling (pronunciation) specificities characteristic of Buryat dialects. *Materials and methods.* The study examines ethnonyms and personal onyms across Buryat-related

historical communities contained in seventeenth-century documents (Rus. *otpiski*) of Russian servicemen and Cossacks. The work focuses on names traced in two territorial groups of the Buryat population on different banks of the Angara River conventionally be referred to as 'right-bank Angara territorial group' and 'left-bank Angara territorial group' — regardless of any dialect classification. *Results*. The conducted analysis attests to that the mentioned period was already characterized by the existence of certain spelling (pronunciation) features within the two identified territorial groups of the Buryat population, the ones to reflect different stages in the development of the Buryat phonetic system. *Conclusions*. The revealed possibility implying the phonetic features of the Buryat language inherent to different stages of the latter's development could have already existed as early as the mid-17th century in the population of two wide territorial areas of Baikalia makes it appropriate to outline further prospects of linguistic research to detail developmental chronologies for those phonetic characteristics that eventually led to the shaping of specific features in present-day Buryat.

Keywords: Buryat language, Buryat dialects, historical phonetics, Mongolic languages, ethnonymy, onomastics

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment, projects no. 121031000241-1 'Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States', and no. 121031000243-5 'Russia and Inner Asia, 17th–21st Centuries: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Cross-Cultural Interaction'.

For citation: Tishin V. V., Nanzatov B. Z. Buryat Historical Phonetics in Seventeenth-Century Russian-Language Documents: Problem Statement Approached. Part 2. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(2): 287–304. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-287-304

Введение

В первой части настоящей статьи речь шла о дискуссии касательно хронологии фонетических изменений, приведших к формированию отличительных черт бурятского языка среди других языков монгольской группы. Наиболее яркими из них, характеризующими бурятские говоры восточного и западного ареала, являются отсутствие аффрикат и появление фарингального /h/ (< письм.-монг. /s/, в позиции не перед /i/). Проблемным остается вопрос выяснения нижнего хронологического рубежа, с которого следует вести отсчет этих изменений, что затрудняется недостатком источников. Другая проблема заключается в обосновании природы этих изменений.

Во второй части статьи, оставляя в стороне немаловажные для истории бурятского языка вопросы взаимодействия с носителями монгольских языков якутского и эвенкийского населения, а также тюркоязычных сообществ Саяно-Алтая, мы останавливаемся на русскоязычных источниках XVII в., являющихся самыми ранними письменными свидетельствами, в которых начинается достоверное упоминание бурят и в смысле адекватности обобщающего применения этого названия к конкретным группам населения, преемственность с которым не прерывается в последующем, и в лингвистической репрезентативности материала.

В русскоязычных документах, начиная с XVII в., фигурируют «брáты» или «брáцкие люди», первые сведения о которых были получены от самодийского населения верхнего Енисея в 1609 г., а первый непосредственный контакт с ними был осуществлен, по меньшей мере, в 1629 г., в районе нижней Оки [СДИБ 1960: 6, 9, 10; Будаев 1992: 40]. Само написание *братъ отражает, вероятно, произносительный вариант *br'ād ~ bar'ād < bur'ād*, восходящий

к **buriyad* (т. е. *-ā- < -iya-*, с палатализацией предшествующего согласного *-r-*) и характерный для бурятских говоров западного ареала (нижнеудинский, аларский, окинский и др.), следуя присущему им явлению редукции гласного первого слога [Будаев 1978: 31, 214–215; Поппе 1938: 21; Рассадин, 1982: 8]. Если такая интерпретация верна, значит, бурятский язык уже предстает на стадии существования определенных характерных для него особенностей.

Мы хотим показать потенциал этих текстов на предмет исследования бурятской исторической фонетики, однако более точно (чем, например: [Будаев 1992: 30]). Ограниченность объемов публикации не позволяет нам широко развернуть свою аргументацию, и мы обойдемся некоторыми иллюстративными примерами.

Источники позволяют нам выделить особенности звукового строя двух территориальных групп бурят, которые столкнулись с русскими землепроходцами. Чтобы не вносить путаницы в классификационную терминологию и не изобретать новой, мы можем условно назвать эти выделяемые группы *левоангарской* и *правоангарской*, не подразумевая их непосредственного соотнесения ни с какими-либо классификациями современного состояния бурятских говоров, ни с классификациями групп бурятского населения, привязанными к административно-территориальным подразделениям.

Материалы и методы

Тексты русскоязычной документации в какой-то степени опубликованы [ДАИ 1846; ДАИ 1848; КПМГЯ 1936; Окунь 1936; Миллер 1941 (прилож.); Миллер 2005 (прилож.); СДИБ 1960]¹, некоторые архивные материалы цитируются в работах исследователей [Окладников 1937; Токарев 1939; Долгих 1960; и др.].

Оценка потенциала использования этих документов в качестве источника по истории бурятского языка вызывала различные мнения. Г. Д. Санжеев располагал ограниченным материалом, однако решился на ответственные построения на его основе². Среди его оппонентов даже после публикации сборника документов под редакцией Г. Н. Румянцева и С. Г. Окуня [СДИБ 1960] высказывались скептические взгляды на возможности адекватной лингвистической интерпретации их материала, представленного преимущественно именами собственными [Kara 1972: 433]. Л. Кларк, отметивший дискуссионный характер построений других исследователей о хронологии развития бурятской фонетики на основе русскоязычных документов XVII в., высказал сдержанную оценку относительно их потенциала, хотя назвал работу по выявлению в них бурятского лингвистического материала «неблагодарным и утомительным занятием» (“a thankless and tedious task”) [Clark 1976: 61]. Тем не менее в разной степени последовательные и удачные попытки использования этих документов в качестве лингвистического источника исследователями принимались [Цыдендамбаев 1976: 14–19; Митрошкина 1987: 4, 36, 38–42, 51; Будаев 1992: 6, 30, 47, 49].

¹ Здесь и далее мы ограничиваемся ссылками на работы, непосредственно задействованные в данной статье, опуская другую многочисленную литературу, полезную по теме исследования.

² См. в первой части статьи: [Тишин, Нанзатов 2023].

При интерпретации материала этих документов мы, безусловно, должны учитывать некоторые методические сложности.

(1) Иноязычные имена и названия могли быть получены служилыми людьми и казаками через толмачей, что могло оказать влияние на искажение оригинального звучания (ср.: [Токарев 1939: 105; Долгих 1953: 45]). Когда енисейские служилые люди, столкнувшись окинскими бурятами, определили, что «брацкие люди говорят по калмацки», из Тары был выписан толмач [Долгих 1960: 214]. При этом известно, что в определенных случаях в функции толмачей выступали «тунгусы», т. е. эвенки, на тот момент уже более знакомые русскоязычным деятелям (см., например: [ДАИ 1846: 250, 251–252, 255; КПМГЯ 1936: 227; Окунь 1936: 174; СДИБ 1960: 51–52, 88, 158, 164; Миллер 2005: 177, 178; и др.]), в других случаях — «новокрещены», видимо, из самих бурят (см., например: [ДАИ 1848: 32; КПМГЯ 1936: 230, 236; СДИБ 1960: 30, 56, 66, 103; и др.]).

(2) На искажение звукового облика иноязычных имен и названий могло оказать влияние субъективное восприятие русскоязычного слушателя или возникающие в связи с этим ассоциации, исходя из возникающих созвучий и мнимых аналогий с более привычными его среде словами.

(3) Регистрировавшиеся русскими писцами иноязычные имена и названия могли передаваться в искаженной форме в результате ошибок или описок переписчиков (см., например: [Токарев 1939: 111 (примеч. 7); Долгих 1960: 133, 317, 353, 516 и др.]).

Многие из опубликованных документов дублируют друг друга в сообщаемой информации, часто повторяя события слово в слово, но с различной передачей некоторых иноязычных имен собственных. Мы основывались на тех, которые, исходя из установленной издателями хронологии создания, являются более ранними.

Конкретные фонетические явления бурятского языка в русскоязычных записях XVII в.

1. Переходы *-s > -d* и *-s- > -h-* и сопутствующие процессы

Л. Кларк аргументировал, что изменение *-s > -d* произошло, по меньшей мере, не позднее 1620 г. (начало контактов бурят с русскоязычными людьми), в подтверждение чего приводит следующие примеры бурятских заимствований из русского языка: Rus' > orod 'Russian', rož' > orōd 'rye' (бур. бох.), peskar' > pedger 'gudgeon-fish; gobio gobio' (бур. мухорш.) [Clark 1979: 19–20].

В. И. Рассадин убедительно обосновал, что процессы развития *s > h* (между гласными) и *-s > -d* (в конце слова) являются однопорядковыми и оба вторично возникших звука выступают как позиционные аллофоны /s/ [Рассадин 1982: 74, 77–85]: *-h-* проявляется в позиции перед любым гласным, кроме /s/ (/si/ уже должен был перейти в /ši/), *-d* проявляется в конце слов или основ. Хотя в разных говорах эти явления отражены со своей спецификой, но именно это разнообразие случаев показывает общность тенденции. Как предположил В. И. Рассадин, оба варианта развития произошли через промежуточную ступень, которой был апикальный спирант: *s > *ś* [Рассадин 1982: 159–160, 170].

Заслуживает внимания наблюдаемая контаминация /h/ с /χ/ в байкало-кударинском говоре и спорадически в ряде других западных говоров (по Унге, Алар-ри, Иде, Куде, Качугу), спорадическая замена /h/ на /k^х/, /χ/, /g/ в нижеудинском говоре, в хучин-баргутском диалекте и некоторых монгольских языках, чем, по мнению В. И. Рассадина, это явление объясняется как закономерное общемонгольское, при этом в бурятских говорах такая ассоциация носителями языка звука /h/ не с /s/, а с /χ/ (< */q/, */k/) говорит о давности его появления [Рассадин 1982: 78–79].

Остановимся на привлеченных Л. Кларком примерах.

Первый пример, *ород* (Pl. *ородууд*), нельзя рассматривать как форму множественного числа от *орос* (< */рус/), чтобы объяснить изменение *-d* < *-s*. У.-Ж. Ш. Дондуков относит слово к ранним заимствованиям и упоминает формы *орос*, *ород* вместе [Дондуков 1974: 23–24]; употребляемое в бурятских летописях *ros*, заимствованное непосредственно из книжной традиции [Цыдендамбаев 1972: 544].

В записях речи балаганских бурят XIX в. (И. Родионов) встречается параллельное употребление форм *орос* и *ород* ‘русский’ [Будаев 1992: 48], у них же отмечено (Gen.) **ороһии* (рукописн. *ороһи*) ‘русский (о губернии)’ [Будаев 1992: 46], указывающее на исходное (Nom.) **ород*; у идинских бурят тогда же отмечено (Instr.) **оросоор* (рукописн. *оросор*) ‘по-русски’, восходящее к исходному (Nom.) **орос* [Будаев 1992: 46]. Еще в середине XX в. жители долины р. Иды произносили *-d*- там, где остальные носители боханского говора употребляли *-h*-, в том числе при склонении имен множественного числа в орудном падеже (Instr.) — в позиции, предшествующей аффиксу *-оор*: *хонидоор* — *хониһоор* ‘овцами’, *нохээдоор* — *нохээһоор* ‘собаками’ [Хомонов 1965: 43].

В своем втором примере Л. Кларк ссылается на бур. бох. *ороод* (по: [Хомонов 1965: 64, 65, 67]), которое может быть дополнено такими примерами: бур. *род* ‘рожь’ (Г. Ф. Миллер, Ф. П. Аделунг), *ороот* ‘рожь’ (И. Родионов) [Будаев 1992: 147, 188], *род* ‘зерно’ (Ф. П. Аделунг, бур. 2) [Будаев 1992: 213], бур. эх.-бул. *ороод* ‘зерно’ [Матхеев 1968: 34; Митрошкина 1968: 65], *ороот* ‘рожь’ (Булуса (бур. эх.-бул.), Улзетуй (бур. алар)), ‘зерно озимой ржи, озимая рожь’ (Улзетуй (бур. алар)), ‘зерно’ (Цолга (бур. мухорш.), Булуса (бур. эх.-бул.)), ‘озимь после колосования, спелая озимая рожь’ (Алят (бур. алар.), Улзетуй (бур. алар.), Нельхай (бур. алар.)), ‘спелая озимая рожь’, (Алят (бур. алар.), Нельхай (бур. алар.), Тангут (бур. унг.)), *ороот* ‘озимь’ (Цолга (бур. мухорш.)), ‘зерно, хлеб в зернах’ (Булуса (бур. эх.-бул.)) [Бертагаев 1961: 61, 79, 115, 120–121], но также *орооһо* ‘яровой хлеб’, ‘зерно’ (Цолга (бур. мухорш.)), *обоотэ орооһон* ‘куча сена’ (Зангин (бур. мухорш.)), *гултхалаатай ороод* ‘куча сена’ (Булуса (бур. эх.-бул.)) [Бертагаев 1961: 79–80], *орооһо* ‘зерно’ (Цолга (бур. мухорш.)), *орооһон* ‘зерно’ (Зангин (бур. мухорш.)), *ороот* ‘зерно’ (Булуса (бур. эх.-бул.)) [Бертагаев 1961: 56].

У.-Ж. Ш. Дондуков относит *орооһон* ‘зерно’ к ранним заимствованиям [Дондуков 1974: 23, 26]. Он объясняет происхождение формы *орооһон* как закономерное производное от незарегистрированной формы **ороос* ‘рожь — ярица’, где долгота объясняется акцентуацией, конечный *-с* < рус. *-ж* [Дондуков 1974: 69–70, 90]. Типологическим примером в его видении выступает сло-

во *заалис* ‘залежь’ < рус. *залежь*, где конечный -с < рус. -ж [Дондуков 1974: 69]. Заимствование обоих слов отнесено к фонду сельскохозяйственной лексики, проникшей в бурятскую среду в первой половине XVIII в. [Дондуков 1974: 26].

В действительности, следуя В. И. Рассадину, образование формы *ороохон* непосредственно от *ороод* объясняется реализацией /h/ как рефлекса исконного /s/, позиционно предстающего в исходной основе в виде слабого /d/: ср.: *буряад* ‘бурят’ > зап.-бур. (Pl.) *буряаһар* ‘буряты’, *морид* ‘кони’ > зап.-бур. (Gen.) *мориһы* ‘коней’, *хонин* ‘овца’ > зап.-бур. (Pl.) *хониһууд* ‘овцы’, зап.-бур. (Gen.) *хониһой* ‘овец’ (примеры по: [Рассадин 1982: 74]). Такая ассимиляция финального -d подтверждается в калмыцком языке, где при добавлении к производящей основе аффикса -sun (ср. бур. *+hon > +han), в результате регрессивной ассимиляции -d уподобляется последующему -s-, часто выпадая [Ропе 1955: 107].

Что касается приводимого Л. Кларком в качестве третьего примера слова *pedger*, здесь опора на зафиксированное *нуурай пэдгэр* ‘рыба из породы карасей’ (Зангин (бур. мухорш.) из материалов Т. А. Бертагаева [Бертагаев 1961: 77]. Этот пример как раз демонстрирует реализацию /s/ > /d/ в конце основы перед согласным.

Примеры гипотетичны; мы можем дополнить их на основе результатов собственных изысканий.

1.1. -s > -d

Бурятское название племени *ekired* (в русскоязычной адаптации *эхирут*, ср. ср.-монг. *ikires*) встречается в русскоязычных документах с 1641 г., когда после постройки Верхоленского острога сообщается о сборе ясака с бурят «Икереженского роду» [Токарев 1939: 116]. Среди более поздних упоминаний обращают на себя внимание именованья «икиреженские» и «Икириженцы», вложенные писцами в уста представителей этого сообщества [Токарев 1939: 116], обращение в 1645 г. «...у васъ у Икирежанъ, въ вашемъ улусъ...» [ДАИ 1848: 32]¹. В других случаях в качестве производящей основы выступает исходная форма *икиреж*: например, формы винительного падежа (Acc.), приведенные на 1642 г. как *икиреж* (орфогр. *Икирежъ*; ср.: [ДАИ 1848: 30; СДИБ 1960: 46]) и *икирежей* [СДИБ 1960: 76], частные формы именительного падежа (Nom.) *икирежи* (Pl.), *икирежский* (Pos.) и др. (см., например: [СДИБ 1960: 453 (указатель)]).

Форма *икиреж-ен-ский* может быть рассмотрена как неправильная с точки зрения русской морфологии, разговорная (ср.: *наш-ен-ский*). Образование формы *икиреж-ский* отвечает нормам образования прилагательных от названий народов. Это показывает, что слово *икиреж(ъ)* воспринималось уже как цельная форма (без осознания множественности, заложенной в морфологическом показателе)². Если бы в качестве производящей основы была форма, оканчи-

¹ Здесь и ниже мы развиваем наблюдения, озвученные ранее: [Нанзатов, Тишин 2022: 53].

² Ср., в особенности, «на братцких людей на икиреж» (уп. 1645 г. касательно 1642/1643 г.) (Acc.) [СДИБ 1960: 46], «к братцким людям в Икирежи» (1645 г.) [СДИБ 1960: 51], «...итти на тех твоих государевых изменников на икиреж...» (1646 г. касательно 1644 г.) [СДИБ 1960: 76], «...пошли на тех государевых изменников на икиреж и на сипугат...» [СДИБ 1960: 91], «...пошли на тех государевых изменников на икиреж, на сипугат...» [СДИБ 1960: 162]; а также между собой выражения «братцкие люди

вающаяся на *-d* или *-t*, следовало бы ожидать смягчение согласного */d/* или */t/* перед суффиксом *-ск-*, что дало бы закономерное *-цк-* [Буслаев 1858: 121, 61], как это в случаях типа *бра(т)цкий, инкина(т)цкий* и т. п. Однако смягченный */d/* в русском языке парадигматически переходит в */ж/* [Буслаев 1858: 58, след.]. Отсюда следовал бы вывод, что написание *икиреж-* передает звучание с конечным звуком, который не соответствует по тембру */d/*, */t/*, а, вероятно, является слабым или палатализованным звуком, близким к **/d'/* или даже **/ʝ/*.

Косвенным признаком того, что среди бурят правоангарской территориальной группы еще во второй четверти XVIII в. сохранялась форма финального *-s*, является употребление у Я. И. Линденау при изложении версии генеалогической легенды, почерпнутой в окрестностях Качуга, наряду с формой *Ikirit* (sic!) еще именований *Atschebagas*, *Abanagas*, *Charanus* [Линденау 1983: 137], т. е. **Ačibagas*, **Abaganas*, **Xaranus* вместо ожидаемых **Ačibagad*, **Abaganad*, **Xaranud*.

Подтверждающий пример существования раннего показателя *-s* в ареале расселения бурятских племен мы ретроспективно находим в якутском материале. Его дает обнаружение среди якутов по переписи 1897 г. административно-родового подразделения *атагасох* [Справочник 1911: 94], что нами было предложено истолковать как составное **ataγasōx < *ataγas-āx* [Нанзатов, Тишин 2021a: 46–47], вторая часть которого, *āx*, имеет значение множественной собирательности, с семантикой родства [Пекарский 1959: 204]. Само название сопоставляется с названиям бурятского племени *атаган* и поселка Атагай (Нижнеудинский район, Иркутская область). Вычленяемая форма **ataγas* предстает как архаичная форма множественного числа с аффиксом *-s* и в историческом плане трактуется нами как заимствование из бурятской среды.

1.2. *si > ši* и последующее *-s- > -h-*

Фарингализация *-s- > -h-* является ключевым процессом, повлекшим все дальнейшие сдвиги в бурятской фонетике. Л. Кларк относит его к периоду между 1660 и 1720 гг., логично после развития *si > ši* [Clark 1979: 19, 20]. Его аргумент основан на примере соотнесения письм.-монг. *tübsin* ‘level, smooth; peaceful, calm’ и бур. *tübheŋ* ‘id.’, демонстрировавшего бы нетипичное развитие ранней формы в бурятском (ожидалось бы *si > ši* и, соответственно, бур. **tübšeŋ*). Потому это слово, скорее, следовало бы считать заимствованием из письменно-монгольского языка в бурятский, что было бы возможно только при наличии у его носителей письменности (о ней кратко сообщает Н. Витсен, см.: [Clark 1979: 15–16]).

В. И. Рассадин обосновывает факт более раннего развития */si/ > /ši/* тем, что этот переход осуществлялся перед */i/*, тогда как */s/ > /h/* последовательно реализуется как раз перед любым другим гласным, кроме */i/* [Рассадин 1982: 78].

Кажется, впервые Ц. Б. Будаев [Будаев 1992: 49] привлек в качестве свидетельства не состоявшегося перехода сибиланта */s/* перед */i/* в шипящий звук упоминание формы племенного наименования *asibuγad* в русскоязычных до-

икирежи» (уп. 1645 г. касательно 1642/1643 г.) (Асс.) [СДИБ 1960: 46], «братские люди икирежи и бунгудай и коринцы и батулинцы» (1645 г.) [СДИБ 1960: 52], «братские де люди икиреж и бунгудай» (1645 г.) [СДИБ 1960: 52]. О типе склонения винительного падежа как именительного см.: [Буслаев 1858: 204, 206].

кументах середины XVII в. как *осибугат-* (1645 г.: «...Осибугатского роду...» [СДИБ 1960: 162]; см. еще упоминания в 1646–1647 гг.: [Токарев 1939: 117]¹; также в разных вариантах (падежн.): «Супугайские улусы», «Супогайские улусы» [ДАИ 1848: 30], «Супогайских юрт» [ДАИ 1848: 31], «сипугайскому», «Сипугайского роду», «Сипугайские» [СДИБ 1960: 55, 65, 66 и др.], «сипугаев» [СДИБ 1960: 59]²; передача в русскоязычных текстах третьего слога оригинального слова графемами /o/, /y/ говорит о его губном характере и безударном произношении). Контекстуально эти упоминания, встречающиеся в документации Верхоленского острога, относятся к группам верхоленских и кудинских бурят (правоангарская территориальная группа). По доступным данным мы можем судить, что административный род назывался в документах «Асипугатским», по меньшей мере, еще в 1681 г. [Долгих 1960: 291 (табл. 105)], а в документе за 1691 г. следует упоминание «Ашабахатцкого роду». Теоретически, о том, что процесс /si/ > /ši/ > /šA/ происходил только к фиксируемому времени (1691 г.), свидетельствует наличие в одном списке таких фамилий (фактически своего рода отчеств, о чем см.: [Митрошкина 1987: 174–175]), как *Силингуев*, *Шибеев*, *Шарчигурев* и имени *Шара* [СДИБ 1960: 412], отражающих разное развитие /si/. Я. И. Линденау (см. выше), последовательно использующий сочетание *tsch* для передачи /č/, упоминает записанное в окрестностях Качуга название *Atschebagas* [Линденау 1983: 137], т. е. *ačibayas (ср. там же *tscheno* < *čino, *čono; бур. šono).

В то же время в русскоязычных текстах в связи с территориальной группой бурят на левобережье р. Ангары, по р. Тасеевой и Уде, еще раньше отмечено собственно название той же формы исходной *asibuyad* с шипящим сибилантом *-ш-* и с метатезой: название *ашахабат* или *ашехабат* упоминается в источниках с 1652–1653 гг.³

Теоретически, условно к середине XVII в. мы имеем состоявшееся ареальное развитие, приведшее через ступени *Ašibuyad и *Ašvbrɣad (комбинаторное ослабление *[g] > [χ]: [Рассадин, 1982: 45, 106]) к варианту *Ašvɣɣbad. Независимо от деталей, отмеченный переход /si/ > /ši/ логично предшествует /s/ > /h/ (перед любыми гласными, кроме /i/), поэтому существование последнего логично допускать в первой половине XVII в.

¹ В цитируемой работе *асипугаты* (*сипугаты*, *сипугаи*) не соотнесены с *ашехабатами* [Токарев 1939: 111, след.], но дальше исследователь отмечает следующее: «В новейшее время ашебагатский род — вероятно, потомки асипугатов — известен только в Селенгинском округе» [Токарев 1939: 117 (примеч. 7)].

² Ц. Б. Цыдендамбаев, однако, объясняет такое произношение влиянием языка информантов, в котором отсутствовал /ш/ [Цыдендамбаев 1972: 290].

³ В 1653 г., когда к пятидесятнику Удинского острога Михаилу Ярлыкову прибыли «ашахабаны Узунко, да Абанко, да Номко, да Каранюдко, да Борчинко со всеми аш ахабацкими ясачными тотары, да Корчульского улусу Сумангилейко со всеми корчульскими ясашными тотары» (цит. по: [Окладников 1937: 93]). О ретроспективных упоминаниях см. также: [Окладников 1937: 93–94]. В отписке Красноярского воеводы Михаила Скрябина от 6 мая 1654 г. упоминаются формы (на) ашахабат (Асс.), ашахабатцких (Pl., Pos., Dat.) (см.: [Токарев 1939: 108–109]); в 1654 г. упомянут, например, «ашехабацкой князец Изень», в 1656 г. — «ашехабатцкие князцы», также форма ашахабаты (см.: [Токарев 1939: 111–112]); в 1658 г. — «Ашахабаты» [СДИБ 1960: 208].

1.3. -s- > -h-

Теперь собственно касаясь этого процесса, мы можем привести такой пример, отмеченный среди условной левоангарской территориальной группы бурят.

Выше на примере двух вариантов одного и того же исходного названия мы предположили, что в отличие от правоангарских бурят среди, по крайней мере, некоторой части бурят условной левоангарской группы к середине XVII в. уже произошел переход *si* > *ši*, который должен логически предшествовать /s/ > /h/.

Имя одного из «князцов», среди первых в 1628–1629 гг. попавших в российское данничество, живя вверх по «Тасееве реке», по р. Чюне (Уда), это **Кохоня* или **Кохонь*, как оно восстанавливается исходя из разных падежных вариантов — уп. 1629 г.: Кохоне (Dat.), Кохоню (Acc.), Кохони (Gen.) [СДИБ 1960: 18]; уп. 1630 г.: Кохоля (Gen.) [СДИБ 1960: 19], Кохоня (Nom.) [СДИБ 1960: 22]; уп. 1631 г.: Кохоню (Dat.) [СДИБ 1960: 24; Миллер 1941: 379].

Мы можем сопоставить это с письм.-монг. *qoγusun*, халх. *хоосон*, бур. *хоо-һон*, калм. *хоосн*, дагур. *хõсон* ‘пустой, порожний’ [ЭСМЯ 2019: 47], зарегистрированное уже у М. А. Кастрена как *хооһон* (бур. тунк., бур. хорин.), *хоосон* (бур. селенг.) ‘пустой, необитаемый’ [Будаев 1992: 176]; бур. лит. *хооһо(н)* ‘пустой, порожний’, ‘перен. голодный’, ‘перен. пустой’, ‘перен. голый, сплошной; один только’ [БМРС 1951: 581–582] (ср.: [Шагдаров, Черемисов 2008: 446]); у Г. Ф. Миллера и Ф. П. Аделунга такого слова со значением ‘голодный’ нет [Будаев 1992: 206]).

Смягченная концовка слова в русскоязычной передаче может объясняться тем, что записанной оказалась форма родительного падежа: **qoohon* > (Gen.) **qoohoni*.

Такая интерпретация показывала бы три явления:

(1) изменение *q- > x- не произошло (графему /q/ мы используем инерционно, не предполагая конкретное качество звука); (2) исторический комплекс -VgV- представлен долгим гласным, который не отражен русскоязычной записью; (3) осуществление развития s > h, где итоговый звук *[h] который отражен кириллической литерой х.

Первый пункт подтверждается другими примерами вплоть до конца XVIII в. (ср.: [Будаев 1992: 30, 55]). Второй и третий — целиком зависимы от предложенной интерпретации.

2. Спирантизация аффрикат

Как было отмечено выше, развитие /s/ > /h/ должно было предшествовать процессам перехода */č/ > /š/ в позиции перед /i/ и */ts/ > /s/ в позиции не перед /i/, поскольку возникший в результате второго процесса /s/ никогда не смешивался с /h/. Процессы */j/ > бур. /ž/ в позиции перед /i/ и */j/ > бур. /z/ (вост.), бур. /j/ (зап.) в позиции не перед /i/ должны были быть примерно синхронны им. С этим, однако, возникают сложности. Мы можем сформировать довольно обобщенную локальную картину для бурят условной правоангарской территориальной группы, где она представлена именами родственников, взаимодействующих в один довольно короткий, отмеченный источниками, хронологический отрезок.

2.1. Письм.-монг. *či-* > бур. *šV-* еще не произошло

Сын эхиритского «князца» Куржума Бурлаева, фигурирующий впервые как *Чевдокомъ* (Nom.) [ДАИ 1846: 255], *Чевдокома* (Acc.) [ДАИ 1846: 256], а у И. Э. Фишера названный как *Чендакомъ* (Nom.) [Фишер 1774: 530, 531], видимо, носит имя **Чевдок*, отмеченное далее в падежной форме *Чевдока* (Acc.) [ДАИ 1848: 31, 32; КПМГЯ 1936: 229, 230, 235; СДИБ 1960: 46, 56, 66, 103]].

Написание **Чевдок*, скорее всего, отражает именную форму на -dAG со значением обычного, привычно повторяющегося действия [Poppe 1954: 96]. В бурятском языке аффикс образует отглагольные прилагательные со значениями: «а) склонный к какому-либо действию, что обозначается производящей основой... б) обладающий каким-либо качеством или свойством, что обозначается производящей основой...» [Дондуков 1964: 97]. Ср. письм.-монг. *čibday*, халх. *чавдаг* ‘Sluggish, slow; trickling, flowing in a thin stream; stingy, miserly’ [Mongolian-English Dictionary 1960: 174], халх. *чавдаг* ‘скупой; медлительный; текущий тонкой струей; текущий еле-еле (о моче при болезни)’, бур. *шабдаг* ‘редкий; немного, мало’ [ЭСМЯ 2015: 140].

2.2. Письм.-монг. *č-* > **ts-* > бур. *s-* еще не произошло

Вариативно представлена форма имени, упоминаемого в 1645–1647 гг.: «...в тех Икирежских улусех был в те поры Супугайских улусов доброй мужик Чокор, отцу имя Чо» [ДАИ 1848: 30]. Имя первого персонажа отмечено в разных вариантах: *Чокор* [ДАИ 1848: 30; КПМГЯ 1936: 230–231], *Чокору* (Dat.) [СДИБ 1960: 57, 105], *Чокора* (Acc.) [ДАИ 1848: 30; СДИБ 1960: 102]; **Чекор* (Чекору (Dat.) [ДАИ 1848: 32; Окунь 1936: 166; КПМГЯ 1936: 229; СДИБ 1960: 55, 103]), **Чекор-ко* (Чекорка (Acc.) [СДИБ 1960: 91, 162], *Чекора* (Gen.) [Окунь 1936: 166]; *Чакур* [КПМГЯ 1936: 235], *Чакура* (Acc.) [СДИБ 1960: 65]; *Чокур* (Nom.) [КПМГЯ 1936: 235, 237; СДИБ 1960: 67, 105], *Чокуру* (Dat.) [ДАИ 1848: 33; СДИБ 1960: 65, 68].

По-видимому, это следует связать с письм.-монг. *čoyoqur* ‘пестрый’, халх. *чоохор*, бур. *соохор* ‘пестрый, чубарый (о масти)’; ср. эвенк. баргуз. *чѳкур* ‘пестрый’ (< монг.) [Поппе 1927: 51]. Либо, менее вероятно, письм.-монг. *čakiyur*, халх. *цахиур*, бур. *сахюур* ‘кремень (для высечения огня); кремневый’ [ЭСМЯ 2015: 131]. При любой интерпретации инициальный *č-*, находясь в позиции не перед /i/, не перешел в **ts-* > бур. *s-*.

2.3. Письм.-монг. **/j/* > /*džV/* > /*dzV/*

Имя брата Куржума Бурлаева, одного из предводителей бурят, в 1641 г. кочевавших у р. Манзурки¹, записано в разных формах: *Жаяка* (ср.: *Жаякою* (Instr.)) [ДАИ 1846: 250], либо *Заякай* (Nom.) [ДАИ 1846: 255]; вероятно, он же в 1645 г. фигурирует как *Жаяка* (Gen.) [КПМГЯ 1936: 235; СДИБ 1960: 65]; 1684 г. упомянут кочевавший «между Леною и Ангарою» *Заякайко* Бурлаев [СДИБ 1960: 268] или, чуть позже, *Заикай* Бурлаев (Nom.) [СДИБ 1960: 285], *Заикаю* Бурлаеву (Dat.) [СДИБ 1960: 286]. Эти записи варианта письм.-

¹ «...Куржумовы улусные люди, его дяди и братья, прикочевали на старые свои кочевья около Баянжуруги, а про Доргея сказывают, что де он кочует вверх Баянчуруги, а хотѣл де онъ быть кочевать съ ними жъ вмѣстѣ» [ДАИ 1846: 255].

монг. *јауауап* не отражают однозначно явных аффрикат, но, исходя из их наличия в западных говорах еще в XVIII в. [Будаев 1992: 49], можно утверждать, что инициальные графемы *жс*- и *зс*- здесь передают соответственно [dʒ] и [dz], сосуществовавшие в позиции не перед /i/. Такое же мнение у Ц. Б. Будаева [Будаев 1992: 30], основывавшегося на других примерах. Передача свистящей аффрикаты сочетанием /дз/ появляется в русскоязычных текстах ближе к концу XVII в. Даже имя посла монгольского Сайн нойон хана в документе 1687 г. пишется как «Босого Зорикту» [СДИБ 1960: 300, 301], при существовании аффрикат и в современном халха-монгольском.

Иное явление заметно среди бурят с левого берега Ангары, попадающих в условную левобангарскую территориальную группу. Имя сына «князца» Оилана, логично связываемого с окинскими «ашебахатами» [Окладников 1937: 330; Токарев 1939: 111–112; Долгих 1960: 250], известно, начиная с 1647 г., в форме *Изень*: *Изена* (Асс.) [СДИБ 1960: 96], *Изеня* (Асс.), *Изению* (Дат.), *Изень* (Ном.) [СДИБ 1960: 97; ДАИ 1848: 107; Миллер 2005: 322]. Его логично сопоставить с письм.-монг. *ејен*, халх., бур. *эзэн*, бур. *эжэн*, калм. *эзн*, дагур. *эджин*, дунс. *эджэн* ‘хозяин, владелец; (ист.) господин, владыка, повелитель’; халх. *эзэн улс* ‘метрополия’ [ЭСМЯ 2015: 210]. Современный окинский говор (по данным, собранным у населения средней Оки) отражает состояние развития аффрикат, близкого к общемонгольскому: *[dʒ] > [dz] > [z] перед гласными, кроме /i/ и [dʒ] > [ʒ] перед /i/, при спорадическом сохранении произносительных вариантов [dz] и [dʒ] соответственно [Рассадин 1996: 43–44].

2.4. Письм.-монг. */ji/ > */dʒi/

Среди кудинских ашибагатов («*Ашабахатцкого роду*» — sic!) — условная правобангарская территориальная группа — в «Росписи ясачного сбора» за 1691 г. фигурируют имена *Джирба* Дучиев (Ном.) и Окулен *Джирбаев* (Ном.) [СДИБ 1960: 412], где не только не осуществился перелом исторического /i/ [Будаев 1992: 30], но и не произошла спирализация аффрикаты.

Иные процессы в это же время наблюдаются на левобережье Ангары: в 1688 г. в улусах между рр. Китой и Белая (китайские буряты) имена **Зербай* в форме *Зербая* (Асс.) и **Дзирбуга* в форме *Дзирбугу* (Асс.) («в Цысолинах») [СДИБ 1960: 304], вероятно, последний, в документе за 1691 г. назван *Заилбага* (Ном.) («Цысолитцкого роду», т. е. Шошоолок¹) [СДИБ 1960: 379].

Выводы

Потенциал письменных источников в выяснении ранних миграций ограничен. Якутские предания и наличие монголизмов в якутском языке однозначно свидетельствуют о существовании таких миграций из Прибайкалья, по крайней мере, в северном направлении. Лингвистика имеет большой потенциал для определения участия групп бурятского (в лингвистическом значении, со всеми условностями) в этих миграциях и относительной датировки этих миграций. Для этого важно выяснить особенности языка этих предполагаемых групп, в чем мы можем опираться на самые ранние, пусть и очень косвенные, свидетельства о развитии бурятского языка.

¹ О них см. теперь: [Нанзатов, Тишин 20216].

В данной статье мы попытались предложить интерпретацию некоторых имен собственных, характерных для локальных групп бурятского населения первой половины (фактически, второй четверти) XVII в. Признавая, что интерпретации записанных имен ввиду неопределенности критериев идентификации, могут происходить только на интуитивной основе и получить альтернативное объяснение (как, напр.: [Митрошкина 1987: 39]), мы выбрали те, которые, на наш взгляд, выглядят наименее дискуссионно.

Это предварительное исследование показало, что две условные территориальные группы бурят, по разным берегам р. Ангары, уже к середине XVII в. имели различные фонетические особенности. Буряты правоангарской территориальной группы к моменту прихода российских служилых людей и казаков сохраняли еще архаичные обшемонгольские черты: не произошло палатализации /si/ > /ši/; развитие /-s/ > /-d/, видимо, только происходило; /čV/ еще не перешел даже в /tsV/ (чтобы дать бур. /sV/); /j/ еще сохранялся в виде аффрикаты */džV/ > */dzV/, при этом развитие шипящей аффрикаты в свистящую, может быть, до конца не завершилось. Фонетические особенности языка бурят условной левоангарской группы предстают более продвинутыми с точки зрения тенденций развития бурятской фонетики: развитие /si/ > /ši/ произошло и дало даже ассимилятивное /šV/; вероятно, уже последовало развитие /s/ > /h/ и /-s/ > /-d/; в области спирализации аффрикат мы имеем стадию */dzV/ в позиции не перед /i/.

Сокращения

- Асс. — винительный падеж
- Dat. — дательный падеж
- Gen. — родительный падеж
- Instr. — творительный падеж
- Nom. — именительный падеж
- Pl. — множественное число
- Pos. — посессивная форма
- бур. алар. — бурятский язык, аларский говор
- бур. бох. — бурятский язык, боханский говор
- бур. вост. — бурятский язык, восточные говоры
- бур. зап. — бурятский язык, западные говоры
- бур. — бурятский язык литературный (хоринский говор)
- бур. мухорш. — бурятский язык, мухоршибирский подговор хоринского говора
- бур. унг. — бурятский язык, унгинский говор
- бур. эх.-бул. — бурятский язык, эхирит-булагатский говор
- дагур. — дагурский язык
- дунс. — дунсянский язык
- калм. — калмыцкий язык
- письм.-монг. — письменно-монгольский язык
- рус. — русский язык
- ср.-монг. — среднемонгольский язык
- халх. — халха-монгольский язык
- эвенк. баргуз. — эвенкийский язык, баргузинский говор

Литература

- Бертагаев 1961 — *Бертагаев Т. А.* К исследованию лексики монгольских языков: опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров. Улан-Удэ: [б. и.], 1961. 160 с.
- БМРС 1951 — Бурят-монгольско-русский словарь: ок. 25 000 слов; с приложением краткого грамматического справочного очерка по бурят-монгольскому языку / сост. К. М. Черемисов; под. ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М.: Гос. изд-во иностр. и национальн. словарей, 1951. 852 с.
- Будаев 1978 — *Будаев Ц. Б.* Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. 302 с.
- Будаев 1992 — *Будаев Ц. Б.* Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.
- Буслаев 1858 — *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка: учебное пособие для преподавателей. Ч. 1. Этимология. М.: Унив. тип., 1858. [12], XL, 244 с.
- ДАИ 1846 — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. II. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. [5], 279, [7], [7] с.
- ДАИ 1848 — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. III. СПб.: Тип. Эд. Прана, 1848. VII, 539, [7], [7] с.
- Долгих 1953 — *Долгих Б. О.* Некоторые вопросы древней истории бурят // Краткие сообщения института этнографии. 1953. Вып. 18. С. 39–47.
- Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: АН СССР, 1960. 662 с.
- Дондуков 1964 — *Дондуков У.-Ж. III.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 246 с.
- Дондуков 1974 — *Дондуков У.-Ж. III.* Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 101 с.
- КПМГЯ 1936 — Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сб. [архивных] документов / под общ. ред. Я. П. Алькора и Б. Д. Грекова; вступ. ст. И. М. Троицкого. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. XXXII, 281 с., [6] л. факс. (Труды по истории. Научно-исследовательская ассоциация Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича. Т. 1; Труды историко-археографического ин-та АН СССР. Т. 14; Материалы по истории народов СССР. Вып. 5).
- Линденау 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под. общ. ред. И. С. Вдовина. Магадан: Магаданск. кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Матхеев 1968 — *Матхеев Б. В.* Очерки эхирит-булагатского говора // Исследование бурятских говоров / под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, И. Д. Бураева. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1968. Вып. 2. С. 3–46.
- Миллер 1941 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. [Т.] 2. М.; Л.: АН СССР, 1941. 637 с., [2] л. карт., [1] л. карт.
- Миллер 2005 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. III. М.: Вост. лит., 2005. 598, (2) с., отд. л. карт.
- Митрошкина 1968 — *Митрошкина А. Г.* Говор качугских (верхоленских) бурят // Исследование бурятских говоров / под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, И. Д. Бураева. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1968. Вып. 2. С. 47–71.
- Митрошкина 1987 — *Митрошкина А. Г.* Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.

- Нанзатов, Тишин 2021a — *Нанзатов Б. З., Тишин В. В.* К бурятско-якутским этническим связям: **ataγaɣi* // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2021. № 2(42). С. 45–54.
- Нанзатов, Тишин 2021б — *Нанзатов Б. З., Тишин В. В.* Шошоолог: этноним и этническая история // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 274–289. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-274-289
- Нанзатов, Тишин 2022 — *Нанзатов Б. З., Тишин В. В.* К бурятско-якутским этническим связям: *игидэй* и *эхирид*. Addendum: *икиреж(ь)*, *итирит* // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 40. С. С. 52–56.
- Окладников 1937 — *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: ОГИЗ, 1937. 427 с.
- Окунь 1936 — [Окунь С.] К истории Бурятии в XVII веке / предисл. С. Окуня // Красный архив. 1936. Вып. 3(76). С. 156–191.
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. 2-е изд. Т. I. Вып. 1–4. М.: АН СССР, 1959. (3), XVIII, (1) с., стб. 1–1280, (2) с.
- Поппе 1927 — *Поппе Н. Н.* Материалы для исследования тунгусского языка: наречие баргузинских тунгусов. Л.: АН СССР, 1927. 62 с.
- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: АН СССР, 1938. 268 с.
- Рассадин 1982 — *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
- Рассадин 1996 — *Рассадин В. И.* Присянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 217 с.
- СДИБ 1960 — Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1 (1609–1700) / сост. Г. Н. Румянцев, С. Г. Окунь. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 493 с.
- Справочник 1911 — Справочник Якутской области на 1911 г. / под ред. М. П. Николаева. Якутск: Тип. обл. управления, 1911. 118 с.
- Токарев 1939 — *Токарев С. А.* Расселение бурятских племен в XVII в. // Записки Государственного института языка, литературы и истории (ГИЯЛИ). Вып. 1. Улан-Удэ, 1939. С. 101–130.
- Фишер 1774 — [Фишер И. Э.] Сибирская история с самага открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием / сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санктпетербургской академии наук и профессором древностей и истории, так же членом Исторического Геттингскаго собрания Иоганном Ебергардом Фишером. СПб.: при Имп. Академии наук, 1774. [2], 631 с., [2] л. к.; 4°.
- Хомонов 1965 — *Хомонов М. П.* Боханский говор // Исследования бурятских говоров / под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, И. Д. Бураева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. Вып. 1. С. 35–70.
- Цыдендамбаев 1972 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 664 с.
- Цыдендамбаев 1976 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Изучение ономастики Бурятии и исторически связанных с ней регионов — одна из актуальных задач современного бурятоведения // Ономастика Бурятии / отв. ред. Ц. Б. Цыдендамбаев. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1976. С. 3–23 (Труды Бурят. ин-та обществ. наук. Сер. языковедческая. Вып. 26).
- Шагдаров, Черемисов 2008 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Буряад-орон толи: 30.000 угэ / Бурятско-русский словарь: 30 000 слов: в 2 тт. Улан-Удэ: Респ. типогр., 2008. Т. II. О–Я. 708 с.

- ЭСМЯ 2015 — Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. 1. А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- ЭСМЯ 2019 — Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. III. Q–Z. М.: ИВ РАН, 2019. 240 с.
- Clark 1976 — Clark L. V. Two Eighteenth Century Buryat Glossaries // *Mongolian Studies*. 1976. Vol. 3. Pp. 53–82.
- Clark 1979 — Clark L. V. A Problem in Buryat Historical Linguistics // *Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies* / ed. by H. G. Schwarz. Bellingham: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1979. Pp. 14–25. (Studies on East Asia. Vol. 13).
- Kara 1972 — Kara Gy. Le Glossaire Yakoute de Witsen // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. T. XXV. Fasc. 1–3. LVDOVICO LIGETI SEPTVAGENARIO HOC VOLVMEN DAMVS DICAMVS DEDICAMVS. Pp. 431–439.
- Mongolian-English Dictionary 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / comp. by M. Halton, J. G. Hangin, and S. Kassatkin, with F. G. Lessing as general editor. Berkeley: University of California Press, 1960. xvii, 1217 pp.
- Poppe 1954 — Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden: Harrassowitz, 1954. XII, 195 p.
- Poppe 1955 — Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955. 300 p. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, No. 110).

References

- [Fischer J. E.] Siberian History: From Discovery to Russian Conquest. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1774. [2], 631 p. (In Russ.)
- [Okun S.] Seventeenth-century history of Buryatia [approached]. *Krasnyi arkhiv*. 1936. No. 3(76). Pp. 156–191. (In Russ.)
- Alkor Ya. P., Grekov B. D. (eds.) Tsardom of Muscovy and Its Colonial Policies in Seventeenth-Century Yakutia. Collected [archival] documents. I. Troitsky (foreword). Leningrad: Smidovich Institute of the Peoples of the North, 1936. XXXII, 281 p., [6] p. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. Exploring Mongolic Vocabularies: A Comparative Statistical Study of Buryat Dialectal Lexemes. Ulan-Ude, 1961. 160 p. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialectal Lexemes: A Comparative Historical Perspective. Novosibirsk: Nauka, 1978. 302 p. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialects: A Diachronic Study. Novosibirsk: Nauka, 1992. 217 p. (In Russ.)
- Buslaev F. I. A Historical Grammar of the Russian Language. Teacher's manual. Moscow: Imperial Moscow University, 1858. Pt. 1: Etymology. [12], XL, 244 p. (In Russ.)
- Cheremisov K. M. (comp.) Buryat Mongolian-Russian Dictionary. Ca. 25 000 lexical entries. Suppl. with a reference grammar of Buryat Mongolian. Ts. Tsydendambaev (ed.). Moscow: State Publ. House for Dictionaries of Foreign and Soviet Languages, 1951. 852 p. (In Bur. and Russ.)
- Clark L. V. Two Eighteenth Century Buryat Glossaries. *Mongolian Studies*. 1976. Vol. 3. Pp. 53–82. (In Eng.)
- Clark L. V. A problem in Buryat historical linguistics. In: Schwarz H. G. (ed.) *Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies*. Bellingham: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1979. Pp. 14–25. (In Eng.)
- Dolgikh B. O. Ancient history of Buryats: Some questions [revisited]. *Kratkie soobshcheniya instituta etnografii*. 1953. Vol. 18. Pp. 39–47. (In Russ.)

- Dolgikh B. O. Peoples of Siberia, 17th Century: Clan and Tribal Structures. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 662 p. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh. Buryat Parts of Speech: Affixational Patterns. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1964. 246 p. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh. Development and Enrichment of Buryat Vocabulary: Impacts of the Russian Language. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1974. 101 p. (In Russ.)
- Haltod M., Hangin J. G., Kassatkin S. (comps.) Mongolian-English Dictionary. F. G. Lessing (ed.). Berkeley: University of California Press, 1960. XVII, 1217 p. (In Mong. and Eng.)
- Kara Gy. Le Glossaire Yakoute de Witsen. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. Vol. XXV. No. 1–3. Pp. 431–439. (In Fr.)
- Khomonov M. P. Bokhan dialect. In: Tsydendambaev Ts. B., Buraev I. D. (eds.) Exploring Buryat Dialects. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1965. Vol. 1. Pp. 35–70. (In Russ.)
- Lindenau J. J. Description of Siberia's Peoples, Early-to-Mid 18th Century: Historical and Ethnographic Materials on Peoples of Siberia and [Russia's] Northeast. Z. Titova (transl., foreword, etc.), I. Vdovin (ed.). Magadan: Magadan Book Publ., 1983. 176 p. (In Russ.)
- Matkheev B. V. Essays on the Ekhirit-Bulagat dialect. In: Tsydendambaev Ts. B., Buraev I. D. (eds.) Exploring Buryat Dialects. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1968. Vol. 2. Pp. 3–46. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. Buryat Anthroponymy. Novosibirsk: Nauka, 1987. 222 p. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. Dialect of Kachug (Upper Lena) Buryats. In: Tsydendambaev Ts. B., Buraev I. D. (eds.) Exploring Buryat Dialects. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1968. Vol. 2. Pp. 47–71. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. Dictionary of Buryat Personal Names. Ulan-Ude, Buryat State Univ. Press, 2013. 200 p. (In Russ.)
- Müller G. F. History of Siberia. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. [Vol.] 2. 637 p. (In Russ.)
- Müller G. F. History of Siberia. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. Vol. 3. 598, [2] p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. On the ethnic ties between Buryats and Yakuts: *atayaĭ. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2021. No. 2(42). Pp. 45–54. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. The Shoshoolog: Ethnonym and ethnic history. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 2. Pp. 274–289. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-274-289
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. Toward Buryat-Yakut ethnic connections: *Īgidāi* and *Ēxirid*. Addendum: *Ikirezh(ь)*, *Itirit*. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2022. Vol. 40. Pp. 52–56. (In Russ.)
- Nikolaev M. P. (ed.) Yakutsk Oblast in 1911: Reference Book. Yakutsk Oblast Statistical Committee. Yakutsk: Yakutsk Oblast Government, 1911. 118 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Western Buryat Mongols, 17th–18th Centuries: Historical Essays. Leningrad: OGIZ, 1937. 427 p. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. Dictionary of the Yakut Language. 2nd ed. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. Vol. 1. Pts. 1–4. (3), XVIII, (1) p., cols. 1–1280, (2) p. (In Yak. and Russ.)
- Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden: Harrassowitz, 1954. XII, 195 p. (In Eng.)
- Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p. (In Eng.)
- Poppe N. N. Buryat Mongolian Grammar. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1938. 268 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. Materials for the Study of the Tungus Language: A Dialect Spoken by the Barguzin Tunguses. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1927. 62 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Buryat Dialects of the Cis-Sayan. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1996. 217 p. (In Russ.)

- Rassadin V. I. Essays in Buryat Historical Phonetics. Moscow: Nauka, 1982. 199 p. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N., Okun S. G. (comps.) Seventeenth-Century Buryatia: Collected Historical Documents. Vol. 1: 1609–1700. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. 493 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. Vol. 1: A–E. 224 p. (In Russ. and Mong.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. Vol. 3: Q–Z. 240 p. (In Russ. and Mong.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. 30 000 entries. In 2 vols. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2008. Vol. 2: O–Я. 708 p. (In Bur. and Russ.)
- Supplements to Historical Acts Collected and Published by Archaeographic Commission. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1846. Vol. 2. [5], 279, [7], [7] p. (In Russ.)
- Supplements to Historical Acts Collected and Published by Archaeographic Commission. St. Petersburg: E. Pran, 1848. Vol. 3. VII, 539, [7], [7] p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. Distribution of Buryat tribes in the 17th century. In: Notes by the State Institute of Language, Literature and History. Ulan-Ude, 1939. Vol. 1. Pp. 101–130. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Buryat Historical Chronicles and Genealogies: A Historical and Linguistic Study. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1972. 664 p. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Onomastic studies of Buryatia and historically related regions as a topical objective of contemporary Buryat studies. In: Tsydendambaev Ts. B. (ed.) Onomastics of Buryatia. Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences (Sib. Branch, Buryat Institute), 1976. Pp. 3–23. (In Russ.)